

[2005]

Грамота № 954

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1656, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы У, близ южной границы усадьбы Ж. Это целый документ из семи строк:

грамота·ѿжирочькаиѿтѣшька
къв[ъ]дѣвиноу·млвишильцеви·це
моупошибаешисвиньѣцюжѣ·ап[ъ]
неслапъ[з]дрька·аесипосоромилъко
ньцьвъхълюдинь·сооногопо^аоу
грамата·прокънижетабы^сожее
ситако сътворилъ·

Длина 17,8 см, ширина 6 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка (с учетом корректировки таблиц): середина – третья четверть XII в., предпочтительно середина.

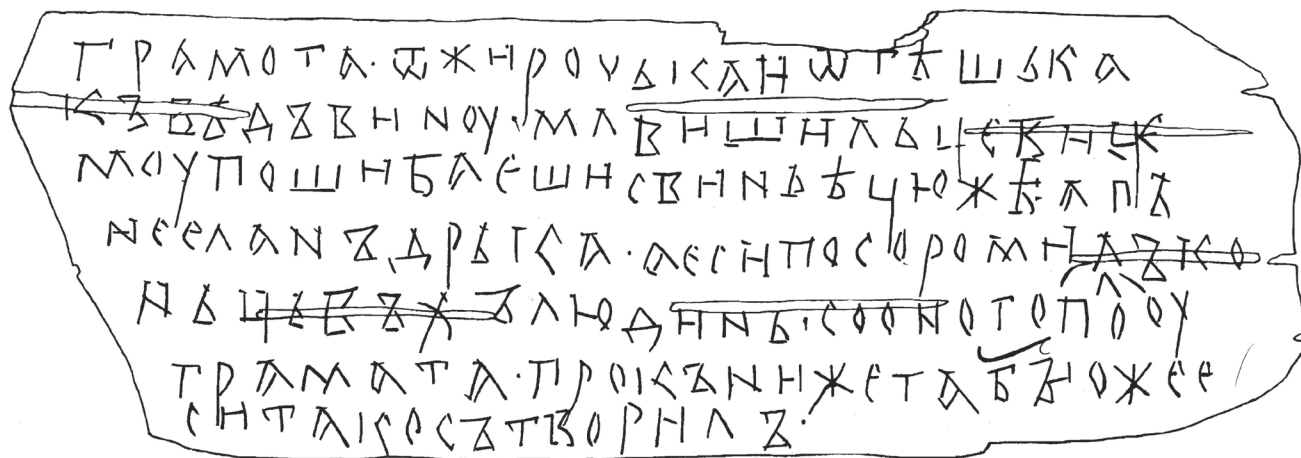
В строке 2 возможно также чтение в[ъ]дѣвиноу вместо в[ъ]дѣвиноу. В строке 4 начальное *н* написано поверх *и*. Над буквами ѣд в слове *нѣдрька* усматриваются слабые следы буквы з; очевидно, автор вписал здесь пропущенную букву над строкой.

Текст делится на слова так:

Грамота ѿ Жирочька и ѿ Тѣшька къ Вѣдѣвиноу. Млви Шильцеви: Цемоу пошибаеши свиньѣ цюжѣ? А пьнесла Нѣдрька. А еси посоромилъ коньць въхъ Людинь: со оного полоу грамата. Про къни же та быс(тъ), оже еси тако сътворилъ.

Колетание между *грамота* и *грамата* — не ошибка: *грамата* есть старый вариант этого заимствованного слова, ср. *Къснатина грамата* в берестяной грамоте № 397.

Написание *млви* — не встречавшийся ранее в берестяных грамотах (но изредка представленный в рукописях) вариант записи сочетания типа *Тьлт*. Ныне в берестяных грамотах отмечены уже все теоретически возможные варианты реализации слогового *л*: *мьльви*, *мьлви*, *мльви* и *млви*.

Прорись грамоты № 954

Конечное *-и* (вместо ожидаемого *-ѣ*) в В. мн. *про к(о)ни* ныне следует расценивать как одно самых ранних проявлений фонетического перехода *ѣ* в *и* (в данном случае в конечной позиции).

Специфическая древненовгородская словоформа В. ед. муж. *въхъ* ‘весь’ — ценнейшее подтверждение гипотезы о том, что здесь еще до падения редуцированных произошло ассимилятивное изменение корневого *ь* в *ѣ*. До сих пор мы располагали на этот счет только свидетельством грамоты № 806 — менее показательным, поскольку эта грамота, во-первых, очень сильно повреждена (она состоит из разрозненных фрагментов), во-вторых, относится к несколько более позднему времени (60-м–80-м гг. XII в.). В грамоте № 954 словоформа *въхъ* выступает в полностью сохранным и не вызывающем никаких сомнений контексте.

Примечательно, что этой диалектной древненовгородской формы (как и формы *млви*) автор не сумел избежать, хотя он явно старался писать официальным языком: это видно из того, что он употребляет наддиалектное окончание *-ъ*, а не новгородское *-е* в *посоромиль* и *сътвориль* (этим же стремлением, вероятно, объясняется и употребление аориста *бысть*).

Не соответствует обычным нормам порядок слов в словосочетании *а еси посоромиль*: ожидалось бы *а посоромиль еси*. Вопрос о причинах данного эффекта составляет непростую проблему. Она обсуждалась в предварительной публикации настоящей грамоты (Зализняк, Янин 2006: 4), и это обсуждение заканчивалось словами: «Для решения вопроса о том, допускал ли древнерусский язык проклитико-энклитические группы такой структуры, необходимо накопление дополнительного материала». В настоящее время такой материал появился — это грамота № 1050; см. разбор данной проблемы ниже при этой грамоте.

Окончание *-ь* (а не *-ѣ*) в В. ед. муж. *Людинь* — отражение древнейшего варианта данного наименования; ср. *Людинь коньць* в Синод. НПЛ под 1220 г., *съ Людинемь коньцемь* под 1218 г., также *Людинь конець* в Комисс. НПЛ под 1194, 1425, 1433 гг.

Фраза с *цемоу* (‘почему?’) лишь по форме является вопросом. Реально это вполне обычная для древнерусских источников форма выражения обвинений или юридических претензий. Ср. в НПЛ: *чему хотель еси сести Переяславли* (под 1136 г.); *чему еси отъяль Волховъ гогольными ловци* (под 1270 г.); *чему взять еси Олексинь дворъ Морткиничча* (там же); *чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиниччи* (там же); *а иное, чему выводилъ отъ насъ иноземца* (там же). Также в берестяных грамотах: *цому молотилъ безъ нашихъ сиротъ*; *а намъ в земѣ половина а верьши часть* (в № 755); *цъмоу, бра(те, -- Бѣ не бѣишиса* (в № 548); *цему ма еси погубилъ* (в № 272) и др.

Для *понести* здесь следует предполагать значение ‘заявить (о чем-то порочащем человека)’, ‘разнести (дурную славу)’, ‘опозорить’. Хотя в словарях такое значение прямо не отражено, оно легко выводится из хорошо засвидетельствованных *поносити* ‘ругать, позорить, поносить’, *поношение* ‘позор, поношение’. Близки по значению также *донести* ‘сообщить о преступлении, проступке’, *проносити* ‘разносить (дурную славу)»; ср. *а нинеце проноситса ѿ Кюръака* в берестяной грамоте № 538.

Общий смысл документа достаточно ясен: авторы Жирочко и Тешко поручают некоему Вдовину предъять человеку по прозвищу Шильце обвинение в том, что он «пошибает» чужих свиней. Основанием для этого послужили рассказы некоей Ноздрьки. Это дело означает позор для всего Людина конца, поскольку оно приобрело общегородскую огласку — с Торговой стороны пришла грамота, где сообщается, что то же самое Шильце проделал и с конями.

Шильце — несомненно житель Людина конца. Но к Людину концу, очевидно, принадлежат также и авторы документа, и его непосредственный адресат Вдовин. В авторах естественно видеть представителей администрации Людина конца, в адресате — администратора более низкого ранга, например, уличанского старосту.

Ноздрька (уменьшительное от *ноздра*) — очевидно, вариант к прозвищу *Ноздрьца* (*Ноздрьча*), которое носил новгородец, живший в Неревском конце и упоминаемый в НПЛ под 1118 г., после того как его дом был разграблен во время некоего внутригородского конфликта. Судя по времени, к которому относится грамота № 954, женщина по прозвищу Ноздрька могла быть какой-то его родственницей. Если это так, то она жила

в Неревском конце; в этом случае обвинения против Шильца поступили сразу с двух других (чужих) концов города — Неревского и Славенского.

Наиболее сложный вопрос состоит в том, что в точности означает в данном случае словоформа *пошибаеши*.

Самым общим значением глагола *пошибати*, если судить просто по входящим в его состав морфемам, должно было быть ‘наносить удар, ушиб’, ‘ушибать, подшибать’. В памятниках такое значение отмечено только применительно к удару молнии (см. Слов. XI–XVII, 18: 84, статья *пошибити*, знач. 1)². Сюда же примыкает древнерусское *пошибеньи* в переносном смысле: ‘безумный, лишенный рассудка’ (характер переносного значения здесь такой же, как в современном разговорном *ушибленный*).

Древнерусское *пошибати* известно в первую очередь из уставов Владимира и Ярослава о церковных судах и из новгородской договорной грамоты 1190-х гг. Контексты таковы: *аще кто пошибает болярскую дочь или болярскую жену* (Устав Ярослава, ст. 3; в одном из списков в совершенном виде: *а кто пошибеѣт женѣ болярскѣ*; см. Княж. уставы: 92 и др., 104), *оже пошибает мужеску жену либо дочь* (ГВНП, №28) — в обоих случаях следует указание о размере штрафа за это преступление. В уставе Владимира в список преступлений, подлежащих церковному суду, входит *пошибание* (в части списков *пошибение*; см. Княж. уставы: 15 и др., 67) — в составе группы, начинающей весь список: *ропсуты, смильное заставание, умыкание, пошибание*.

Все словари — Срезн., Слов. XI–XVII, СДРЯ — переводят *пошибати* в этих контекстах как ‘(из)насилловать’; при этом, правда, СДРЯ помечает данный перевод знаком «?». Сомнение здесь связано с тем, что в уставе Ярослава есть также и термин *насилити*: *аще кто оумчить дѣвку или насилить* (ст. 2, см. Княж. уставы: 91 и др.; отметим, что размер штрафа за причиненный *соромъ*, указываемый в статье с глаголом *пошибати* и в статье с глаголом *насилити*, в точности одинаков). Весьма важен здесь латинский перевод уставов Владимира и Ярослава, сохранившийся в списках XVIII в. (Княж. уставы: 60–62, 125–127). Слово *пошибание* (из устава Владимира) здесь соответствует *stuprum* ‘бесчестье, позор, срам, разврат’; слову *пошибаетъ* (из устава Ярослава) — *vitiaverit* (от *vitiare* [virginem] ‘осквернять, бесчестить’); слову *насилить* (из устава Ярослава) — *stupraverit* (от *stuprare* ‘осквернять, бесчестить, позорить’, т. е. практически то же, что *vitiare*). В особенности существенно то, что в переводах слова *пошибание* и слова *насилити* выступает одна и та же основа *stupr-*. Таким образом, глаголы *насилити* и *пошибати* либо обозначали просто одно и то же, либо различались лишь какой-то деталью³.

Другой круг данных здесь составляют показания современных говоров. Из многочисленных значений, которые может иметь в говорах глагол *пошибать* и его производные (см. СРНГ, 31: 31–32), для нас представляют интерес прежде всего те, где объектом действия могут быть домашние животные, а именно:

пошибать, знач. 9: ‘испортить, изуродовать, искалечить’. *Вот тут он (бедняк) и заревел, пошиб коня*. Арх.; знач. 6: ‘уничтожать, убивать’. *Зверь пошиб собаку. Пошибали зверье лошадей*. Смол.;

пошибка, знач. 1: ‘инфекционная болезнь домашних животных’; ‘эпизоотия’. Перм., Тобол.; знач. 2: ‘болезнь, порча, напускаемая колдуном’. Перм.

Какое же из всех этих значений следует предполагать для грамоты № 954?

² Но сюда не относится глагол совершенного вида *пошибати* ‘нанести удары многим’, построенного так же, как *побросать* (всё, многое), *поубивать* (всех, многих) и т. п., который выступает во фразе из Жития Стефана Пермского: *воеводы нѣс(т)ь, иже бы их порокомъ дѹховнымъ пошибаль и разгналъ* (Слов. XI–XVII, 18: 84, статья *пошибати*, знач. 1; к сожалению, в этой статье ошибочно объединены глаголы разного вида: «значением 1» назван глагол совершенного вида, «значением 2» — несовершенного).

³ Одна из возможных гипотез состоит здесь в том, что статья 3 устава Ярослава первоначально касалась только посягательства на замужнюю женщину (как она и читается в некоторых списках, см. Княж. уставы: 104, 126). Если это так, то различие между *насилити* и *пошибати* лишь в том, что первое относится к девице, а второе к замужней женщине. Согласно другому предположению, *насилити* означало реальное насилие, а *пошибати* — соблазнение; при этой версии зоофилическая интерпретация фразы *пошибаеши свинѣ цюжѣ* отпадает.

Наименее вероятно первичное значение глагола *пошибати* — ‘ударять, ушибать’: столь незначительная провинность не могла быть причиной позора для всего Людина конца.

Ущерб, который Шильце наносил чужим свиньям и коням, был явно более серьезным. Следует полагать, что он их как-то «портил» (и именно как «портишь» уместно переводить спорное слово *пошибаеши*); но конкретный смысл этой порчи мог быть различным. Это могла быть зоофилия; статьи, предусматривающие данный вид преступления, имеются во многих древнерусских уставах, в частности, в уставах Владимира и Ярослава; и такое поведение действительно могло быть позором для целого квартала. Но это могла быть и порча, напускаемая на скот колдовством — сглазом, наговором и т. п.⁴ Это был, вероятно, еще больший позор и вместе с тем источник тревоги и страха. Самым сильным аргументом в пользу этого последнего решения является диалектное *пошибка*, приведенное выше. Сам факт, что эпизоотия до сих пор называется термином *пошибка*, т. е. наведенная кем-то порча, ярче всего свидетельствует о том, что народное сознание в случае падежа скота немедленно начинало искать конкретного виновника.

Итак, можно предложить для грамоты № 954 следующий перевод: ‘Грамота от Жирочка и от Тешка к Вдовину. Скажи Шильцу: «Зачем ты портишь чужих свиней? А разнесла [это] Ноздрька. Ты осрамил весь Людин конец: с того берега грамота. Она была про коней — что ты с ними то же сотворил»’.

В отношении этого необычного по содержанию документа возникает гипотеза о возможной связи отразившихся в нем событий с теми, что отмечены в новгородской летописи под 1115 и 1118 годами.

Под 1115 г. НПЛ сообщает: *а Новѣгородѣ измъроша коня вса у Мьстислава и у дружину его*. Поскольку грамота № 954 относится именно к этому периоду, допустимо предположить, что обвинение в «пошибании» коней, поступившее с Торговой стороны, связано именно с этим событием. Из текста грамоты можно заключить, что одновременно с падежом коней в Новгороде наблюдался и падеж свиней. Незаурядность этого события и посрамление Ноздрькой «всего Людина конца» не могли не привести к ответным действиям опозоренных людинцев. Возможно, именно об этих действиях мы узнаем из летописного сообщения 1118 г. К этому времени Владимир Мономах отозвал из Новгорода Мстислава, который передал стол своему сыну Всеволоду. Утверждение последнего на новгородском княжении сопровождалось существенным ограничением его власти: Мстислав вынужден был в целях финансовой поддержки Всеволода передать ему в домениальное пользование ряд территорий Смоленского княжества, пограничных с Новгородской землей (см. Янин 1998). Под указанным годом летопись сообщает: *томь ж(е) лѣт(ѣ) приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вса бояры новгородскыя Кыкву, и заводи а къ чѣтномоу хѣоу, и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгнѣваса на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вса* (НПЛ: 21, 204–205). Политическая цель расправы Владимира Мономаха над новгородскими боярами очевидна: ограничение новгородцами княжеских прав Всеволода Мстиславича потребовало напоминания о том, кому в системе Древнерусского государства принадлежала верховная власть.

Усадьбы Даньслава и Ноздрьчи находились в Неревском конце: под 1195 г. летопись упоминает церковь св. Дмитрия *Ноздрьчину*, заново построенную после пожара 1194 г. Эта церковь находилась на Даньславле улице Неревского конца.

Таким образом, грамота № 954, возможно, отражает первопричину описанных в летописи под 1115 и 1118 гг. событий.

Расправа Владимира Мономаха над группой новгородских бояр нашла отражение в циклах былин о Ставре Годиновиче и об Иванушке Годеновиче, в которых повествуется, как «Ставер сын Годинович посажен в погреба глубокие» и выручен молодой женой Василисой Микуличной. Что Ставр Годинович занимал в

⁴ В связи с этим Р. Факкани указал также на следующий важный факт: слово *vitiare*, использованное в латинском переводе княжеских уставов в качестве переводного эквивалента для *пошибати*, фигурирует во фразе Плиния Старшего (*Naturalis Historia*, XXVIII, 32): *Idem gallinarum incubitus, pecorum fetus vitiant* ‘они же (речь идет о знахарях-колдунах) портят выводки кур и зародыши скота (т. е. делают так, чтобы у скота были выкидыши)’. Тем самым перевод слова *пошибати* глаголом *vitiare* можно расценивать как дополнительное указание на то, что *пошибати* среди прочих значений допускало значение ‘портить (колдовством и т. п.) скот’.

Новгороде значительный административный пост, ясно из его похвальбы перед киевлянами: *В Новгороде живу да я хозяином, // Я хозяином живу да управителем // И полным лицом живу доверенным... // Ой глупые бояре, неразумные, // Они хвалятся градом Киевом... // А что это за ограда во Киеве // У ласкового князь-Владимира? // У меня ль, у Ставра, широкий двор // Не хуже будет города Киева* (Былины Печоры: 112).

Грамота № 954 содержит богатый набор имен собственных.

Имя *Жирочько* — одно из многочисленных гипокористических производных от имени *Жирославъ*. В 1-й половине – середине XII в. в Людином конце нам известно несколько лиц, которые в принципе могли бы быть тождественны автору данной грамоты (равно как и между собой). Это прежде всего *Жирочько* из грамоты № 1000 (2-я четв. – сер. XII в.); далее *Жирочька* из грамоты № 851 (сер. XII в.); *Жирата* из № 879 (2-я четв. – сер. XII в.); *Жирько* из № 630 (то же время) и из № 824 (сер. XII в.); также *Жирошьяка*, отец жены Полюда Городшинича, поставившей в 1197 г. (по всей вероятности, в пожилом возрасте) монастырь св. Евфимии в Плотниках. К несколько более позднему времени относится *Жирославъ* из № 657 (сер. – 2-я пол. XII в.) и из № 1029 (60-е – середина 90-х гг. XII в.).

Имя *Тъшько* стоит в том же ряду производных от корня *тѣх-*, что *Тѣхонъ* в грамоте № 926, *Тѣшата* в № 905, *Тѣшаа* в Ст. Р. 21, *Тѣшила* в № 348, *Тѣшень* в № 997 и др. В НПК (III: 583, 596) отмечена деревня *Тѣшиково* (иначе *Тѣшиковичи*).

Въдовинъ — вероятно, притяжательное прилагательное от *въдова*; но не исключено также, что это существительное с суффиксом *-инъ*, первоначальное сингулятивное значение которого затемнено, как в *попинъ*, *господинъ*, *властелинъ*.

Шильце — уменьшительный вариант прозвища *Шило*, которое было на Руси очень популярно: большое число людей с таким прозвищем отмечено у Тупикова и в НПК; засвидетельствованы и патроним *Шильцовъ* (Тупиков: 897), топоним *Шилцово* (НПК, II: 4; IV: 170). С морфологической точки зрения это прозвище построено так же, как, например, прозвище *Колѣньце* в грамоте № 31 из Старой Руссы.

Об имени *Но(з)дрька* см. выше.

В грамоте представлены древние наименования частей Новгорода: *Людинъ коньць*, *онъ полъ*. Наименование *онъ полъ* ‘та половина, та сторона’ отражает взгляд жителя Софийской стороны — точно такой же, как в НПЛ. Упоминание Людина конца в грамоте № 954 — самое древнее из ныне известных; оно примерно на три четверти века старше, чем первое упоминание этого конца в летописи (под 1194 г.).

Прорись грамоты № 955

